

ПРИ СВЕТЕ РАМПЫ

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

По-особому чувствуешь себя в пустом театральном зале, когда потушен верхний свет, сцена закрыта и кресла задрапированы. «Как ящик от аккордеона, а музыку — унесли», — сказал поэт об опустевшем осеннем лесе. Вот так и у нас. Музыку жизни уносят из театра люди, и стоит им вернуться сюда, здесь снова забьются мысли и страсти, здесь можно пережить потрясение, горечь, радость. И во многом это зависит от нас, артистов. Как бы ни был гениален драматург или талантлив постановщик, наступает момент, когда они доверяют свои полномочия нам, кому предстоит облечь в реальность мысли и чувства, заключенные в произведении. Воплощая идейно-художественный замысел, мы должны быть конкретнее писателя и режиссера, ибо известно, что есть только одно средство написать слово «нет» и десятки способов — его произнести.

Собственно, искусство актера и состоит в каждодневном поиске многообразных, неповторимых интонаций, определяющих характер того или иного человека, его образ жизни, строй мышления. А этими многоликими характерами, человеческими проявлениями, способами говорить, двигаться, общаться с окружающими мы пользуемся, как живописец красками или композитор нотами — для воспроизведения картины жизни, отрезка той или иной эпохи. Чтобы быть «кратким обзором времени» (а именно так определял суть нашего творчества еще великий Шекспир), мало одной интуиции, природного дара. Нужен неисчислимый запас наблюдений, сведений, «заготовок», короче — нужно глубокое знание жизни. Этого ничем не заменишь — ни звонным голосом, ни грамотным произнесением текста, ни эффектными театральными трюками.

Между тем мы подчас прикрываемся именно такими внешними приспособлениями, когда чувствуем себя не в состоянии обогатить сидящих в зале людей, когда наши представления о мире легко умещаются в рамки данной роли. Нам, артистам, очень легко выводить себя из-под огня критики ссылками на извечное «отставание» драматургии. Хороших пьес не хватало во все времена, и легко себе представить, как недостает их сейчас, когда в одной только Москве около тридцати трупп, и каждая выпускает по три-четыре премьеры в год. И тем не менее проблема драматургического «голода» должна волновать нас прежде всего и больше всего. Театр начинается с пьесы.

Выступая на трибунах, мы часто говорим о возросших требованиях зрителя, между тем на сцене позволяем себе воздействовать на него примитивными методами. Уровень разговора в театре о проблемах общественного бытия слишком часто ниже жизненного опыта человека, сидящего в зале, его духовных запросов.

Главной традицией нашей отечественной культуры, на почве которой произросли литература и искусство социалистического реализма, всегда было подчинение таланта

художника интересам народа, служению гуманизму и прогрессу. Только птица, говорил Белинский, поет оттого, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьего племени. Художник не вправе уподобляться таким птицам.

Сколько уже на моей памяти появлялось на театральном небосклоне бесплодных дарований: вспыхнут, как бенгальские огни, и исчезнут без следа, потому что им нечего сказать о жизни, потому что искусство их было не современным по своему духу, а, в лучшем случае, модным. Вспоминаю, в частности, что совсем недавно некоторой частью критики поднимался на щит этакий бесцветный, неэмоциональный исполнительский стиль, выдаваемый за сверхсовременный.

К счастью, как-то очень скоро выяснилось, что бесстрастность есть не что иное, как отсутствие гражданской страсти, заинтересованности в том, чтобы что-то отстоять или отвергнуть в жизни, т. е. всего того, что отличает подлинного художника от ремесленника. Развенчание мифа о так называемом «современном исполнительском методе» нанесло удар по дилетантизму, заставило нас «подтягиваться» в профессиональном отношении, ибо подлинные мысли и чувства можно передать, только в совершенстве владея всем арсеналом выразительных средств: пластикой, речью, голосом и т. д.

Близится финиш очередного сезона, протекавшего в обстановке всенародной подготовки к XXIV съезду КПСС. Как и все советские люди, деятели театра ищут и находят в материалах партийного форума богатую пищу для размышлений, программу своей дальнейшей деятельности. Я особо подчеркнул для себя в Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил тов. Л. И. Брежнев, вот какие слова: «Думается, что все мы имеем право ожидать от работников искусства большей требовательности к самим себе и к своим товарищам по профессии». Подводя итоги очередного этапа жизни, художники сцены обязаны проверить его именно такой мерой зыскательности.

Мне нравится атмосфера полемики, в которой живет последние годы советский театр. Мне интересны споры о пьесах и драматургии, о молодых и академических труппах, о правомерности тех или иных сценических экспериментов. Мне дорого многообразие нашего искусства, не укладывающегося в привычные схемы и универсальные критические оценки, и бывает очень досадно, когда некоторые критики пытаются по-прежнему пользоваться давно осужденным методом «приклеивания ярлыков». Конечно, очень важно

не терять ориентиров, отличать огонь от фейерверка, руду от породы, только при этом надо очень бережно поддерживать все истинно талантливое и по-настоящему новаторское.

Критика не имеет права быть недоброжелательной, ведь доброжелательность и невзыскательность — далеко не одно и то же. Пусть коллеги не сочтут меня ворчунном, но меня беспокоит частое завышение баллов при оценке нашего труда. Уж очень много скидок делается: то за счет важности темы пьесы, то в знак уважения к сединам автора, к былым заслугам художника. И настолько мы привыкаем к комплиентам, что любое критическое замечание воспринимаем как личное оскорбление, а серьезную рецензию, спокойной анализирующую наши просчеты, торопимся объявить «разгромной».

Между тем более всего наши спектакли нуждаются в мудром и строгом взгляде со стороны, взгляде, не затуманенном личными пристрастиями, приходящими обстоятельствами...

В заметках подобного рода актеры всегда говорят о своей жажде играть роли современников, и это — не дежурная фраза. Конечно, каждый из нас мечтает о Ричарде или Протасове, но все-таки наибольшую радость художнику дарует участие в реальной жизни. Мне выпала удача прикоснуться к характерам подлинным, исполненным жизненной правды, впитавшим приметы судьбы народной (здесь прежде всего я имею в виду фильмы «Тишина» и «Председатель»). Сегодня я мечтаю сыграть человека, живущего со мной рядом; не страшно, если мой герой будет на сцене совершать промахи, ошибаться, страдать, важно, чтобы все это существовало для главной цели: искать и находить ответы на земные вопросы, которыми наполнен каждый обычный наш день, помогать нашему обществу еще более быстрыми темпами двигаться вперед.

В предсъездовские дни группа вахтанговцев побывала в Туле. Трудно передать, с какой сердечностью встречали столичных артистов в старинном русском городе. Я вспоминаю лица людей с волнением и одновременно чувствую своего рода долг перед ними. Хочется вернуться и сыграть для них хорошую, умную пьесу, населенную такими же, как они, тружениками, людьми будничного героизма, и чтобы эта пьеса говорила об их насущных, обыкновенных и таких значительных делах.

Вопрос о том, как еще теснее сомкнуть с жизнью наш замечательный, богатый яркими талантами театр, с повесткой дня не снимается...

Михаил УЛЬЯНОВ.
Народный артист СССР.